Илья Абрамов

Нетронутый город

У них осталась только надежда…

Илья Абрамов
Нетронутый город

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12270987
ISBN 9785447428211

Аннотация

Они не выбирали то, с чем столкнула их реальность. Когда страх и отчаяние становятся обычным делом, душу спасают надежда и любовь. Единственное, что оставила им судьба, это друг друга и надежду на лучшую участь. Они будут следовать за своей безызвестной звездой из последних сил, превозмогая страх, боль и ужас окружающего мира… Новелла «Нетронутый город» – о страхе, надежде, человеческой сущности и немного о любви…

Содержание

Глава I. Мир обрушился 6
Глава II. Мучения только начинались 16
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Нетронутый город
У них осталась только надежда…
Илья Абрамов

© Илья Абрамов, 2015

Редактор Илья Абрамов

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Мы шли без остановки уже вторые сутки… Не шли, а, точнее, брели навстречу своей мечте, вернее цели, потому что мечтой это стало для нас относительно недавно – чуть меньше трех лет назад… Мы ничего не ели четыре дня. Последний раз пили воду вчера, мутную жижу из лужи. Сейчас и это было нам во спасение. У меня заканчивались силы. Я не мог это уже больше терпеть. Три года скитаний в поисках лучшей участи… Три года голода, жажды, и страха… Постоянного животного терзающего страха, не оставляющего ни днем, ни ночью, ни на яву, ни во сне. Кэтрин шла чуть позади меня. Я не сомневаюсь в том, что ей ни чуть не легче, чем мне, но она несколько сильнее, у нее более твердый и жесткий характер.

Она будет идти, изнывая от голода и жажды, пока не упадет замертво. Я же сейчас готов упасть на колени и заныть, как мальчик, взывая к Господу, который всех нас оставил, и моля о том, чтобы все это побыстрее закончилось. Мои ноги истерзаны дорогой насквозь. Правая пятка вся в грязи, рубцах и крови. Левой чуть полегче – на ней ботинок, правда и он почти истлевший. Второго у мня нет, он на Кэтрин. Когда-то у нее было несколько десятков пар обуви… Выходные, для походов в ресторан, театр, к друзьям, по магазинам… Она надевала коктейльное платье, брала меня под руку и мы шли в уютную кафешку на пересечении Кэфтерс и Майлс, чтобы насладиться хорошим домашним вином, отрешенностью от суеты, приятными беседами и друг другом. Я шутил, Кэтрин смеялась, я рассказывал – она с интересом меня слушала. Теперь этого ничего нет… Ни театров, ни кафе, вино уже никто не делает, уже не из чего и некому. Даже таблички у входа в ту кафешку, скорее всего, уже нет. Друзей уже тоже нет. Кругом голод, холод, страх, животные инстинкты и….Я остановился и оглянулся по сторонам. Везде одно и то же. Серость, непроглядность, страх, бездна страха… и все… одна пара обуви на двоих… и апокалипсис.

Глава I. Мир обрушился

В прямом смысле. Все случилось слишком быстро. Не так, как в кино или книгах, где все готовятся к грядущей катастрофе, какой-нибудь важный мужчина выступает по телевидению с призывом объединиться к нации, а в конце простой парень спасает весь мир… Никто к такому не был готов, и уж тем более никто не старался никого спасти. Возможно, где-то нечто подобное и случалось, но мы не видели ни пожарных машин, спешащих на выезд, ни полицейских, старающихся организовать жителей, ни национальную гвардию… Да и все это бессмысленно, потому что спасаться предстояло всем, постигло это всех. И что на самом деле произошло, тоже никто не знает. Да и людей-то осталось совсем немного. Мы с Кэтрин уснули в самый обычный вечер под одним одеялом, а проснулись, вернее очнулись, среди ночи под обломками нашего дома. Я считаю, что выжили чудом. Царил полнейший хаос. Стоны людей и крики о помощи доносились отовсюду, так что не было понятно, кого спасать и где. Немногие уцелевшие истерически бегали, постоянно смотрели в небо, что-то кричали и находились в полнейшей панике. Отрубилось сразу практически все: электричество, связь, Интернет, теплоснабжение, вода. Мы остались с этой жизнью наедине и за пару часов откатились в каменный век. Вначале мы надеялись, что это временный катаклизм, внезапная

катастрофа, с которой правительство и мы все вместе в ближайшее время справимся и все восстановим. Но когда мы за неделю обошли свой город, увидели то, что происходит на самом деле, то столь весомых надежд на свое будущее уже не возлагали. Здания, мосты, дороги, тротуары были разрушены практически полностью. В первые дни в ушах звенело от криков о помощи. Даже потом, уже уйдя из города, мы с Кэтрин ловили себя на фантомных звуках: идя по дороге, где на много миль вокруг одни поля, мы слышали, что кто-то кричит: «Спасите… Пожалуйста, помогите..!». Мы бежали в сторону крика, а обнаруживали лишь одинокий куст за деревом или пустой мусорный бак. Это было мрачно и скверно.

В городе мы старались помочь почти всем, кому могли. Из-под завалов нам удалось спасти человек пять, остальным наша помощь уже ни на что не была годна. Помню… Жуть… Такое лучше забыть, но это уже вряд ли. В панике бегая по останкам мегаполиса, я услышал буквально в паре метров от себя стон человека. Это не было именно криком, это был едва слышимый звук. Я устремился к завалам. Под обвалившимися перекрытиями многоэтажки я разглядел руку человека, всю в пыли и ссадинах, потом увидел его лицо. Я спросил о том, может ли он пошевелить рукой или ногой, видит ли он меня. Не услышав внятного ответа среди неразличимых стонов, я решил, что нельзя терять времени и нужно немедленно вызволять бедолагу. Я начал разгребать завалы, откидывая все, что было мне под силу. За какие-то пять-

десять минут я был ужасно измотан, но кое-что мне все же удалось. Так мне казалось. Я высвободил его вторую руку, прижатую какой-то мебелью. Его ноги все еще оставались под завалом, и я решил попытаться вытянуть его за руки. Обхватив его ладони, я сначала медленно, а потом посильнее дернул его к себе. С первого раза у меня ничего не получилось, я начал его тащить к себе. Сил тогда во мне было немало, и у меня получилось… Получилось вытянуть его туловище… ноги остались под завалом. Никогда этого не забуду. Такой шок я не испытывал очень давно, если вообще испытывал. Я обхватил свое лицо рукой и разрыдался. В каком-то сумеречном состоянии сознания ноги понесли меня прочь от этого места.

Но не все наши попытки кого-то спасти были столь ужасны. Помню, нам с Кэтрин удалось вытащить уцелевшего мужчину лет шестидесяти. Он находился в момент катастрофы на дежурстве, охраняя в металлическом вагончике автостоянку. Так что все что произошло с ним – это то, что вагончик перевернулся и на него упал рекламный щит. Сам он выбраться не мог: ему зажало ногу. Но снаружи мы легко справились с его вызволением. Его звали Кёртис. Он уже двенадцать лет работал на этой автостоянке. Когда Кёртис выбрался из вагончика и увидел, что творится вокруг, он упал на землю и разрыдался. У него был настоящий шок, так что нам пригодилась бутылка виски, которую мы предусмотрительно носили в это время с собой. Немного отойдя, Кёр-

тис попросил нас пройти с ним к его дому. Он жил с женой и двумя взрослыми детьми, поэтому справедливо предположил, что если что-то случилось с его домом, то один он физически не осилит, если надо будет кого-то вытащить из-под завала. Мы согласились с ним пойти. Без особой надежды на то, что там кто-то уцелел. Уж в том, что его дом полностью разрушен, я нисколько не сомневался. Когда мы оказались на месте, я от удивления открыл рот и не мог оторваться… Все вокруг обрушилось, рухнуло, сравнялось с землей. И только дом Кёртиса стоял практически уцелевший. Лишь дерево упало на крышу второго этажа. Кёртис немедленно поспешил внутрь. Мы за ним. Он начал рыться в карманах в поисках ключа, но вспомнил, что они остались вместе с его вещами в металлическом вагончике. Он начал выламывать дверь. Она не поддавалась. Тогда я предложил выбить окно. Мы так и сделали.

В доме никого не было. Постели не были расстелены. Что-то было не так. Я уж было начал думать, что старик не в себе и про свою семью от шока все придумал. Но Кёртис вспомнил, что сегодня его семья могла остаться на ночь у сестры его жены. Там отмечали какой-то праздник, и только он из-за дежурства не смог присоединиться. Мы поспешили вслед за Кертисом, благо это оказалось недалеко. И тут на лице Кертиса вновь появился ужас и страх… Дом его родственницы был развален полностью. Внутри не уцелел никто. Его семья и вправду решила не идти ночевать домой и осталась

в гостях. Истошный крик Кертиса резал уши, а его страдания в этот момент вонзались острыми иголками в сердце. Он упал на землю, рыдая, обхватив свою голову руками, его тело содрогалось, будто пульсируя болью… Он кричал, снова плакал, бегал по завалам, пытаясь вытащить хоть кого-нибудь оттуда… Там все были мертвы. Я оттянул Кертиса от разрушенного дома и помог ему присесть возле уцелевшего дерева. Через минуту он замолчал и уставился в пустоту. Я решил, что его нужно оставить одного, ему необходимо уединение. Я попросил Кэт написать на листе бумаги наш адрес. Точнее не совсем наш, а развалин того здания, рядом с которым мы теперь ютились в импровизированном домике из кусков пластика и досок. В городе было разрушено почти все до основания. Ни воронок, ни каких-то было других признаков бомбовых ударов или чего-то в этом роде не было. И тут как гром среди ясного неба уцелевший, почти не тронутый катастрофой дом Кертиса… И то, что его семья по несчастью именно в эту ночь в нем не оказалась… Жестокая игра судьбы… Я подошел к Кертису и сунул ему в карман записку:

– Здесь ты сможешь нас найти, – я взглянул на него. Он так же с полуоткрытым ртом, не моргая, смотрел вдаль, по его щекам текли слезы. Это был взгляд в полную безысходность, словно вглубь самой Судьбы, с единственным вопросом: «Как же так…?». Не надеясь на ответ. Представить страшно и больно, что сейчас творилось внутри этого чело-

века. Час назад он рыдал из-за того, что на город, не на него лично, обрушилась катастрофа, и был в шоке от случившегося. А теперь, когда все это бульдозером проехалось по нему самому… Я полез в сумку, достал начатую бутылку виски и сунул ему в руку. – Это все, чем я могу тебе сейчас помочь.

Мы с Кэт двинулись дальше. День за днем мы бродили по городу. Бродили, оценивая масштаб случившегося и в поисках уцелевших. Никакой помощи не было. Весь мир будто вымер. На самом деле, это может и произошло, но от этого становилось страшнее вдвойне. Не было ни вертолетов, ни военных, ни красных крестов, ни всемогущих миссий ООН – никого. Связи также не было. У нас появилось стойкое ощущение того, что мы все остались один на один с новым разрушенным миром и ждать помощи больше неоткуда. Кто-то из уцелевших пробовал искать телеканалы на портативных ТВ в автомобилях, но все было тщетно. Ни один не ловил, на всех был лишь один белый шум. Таким образом, мы не могли даже узнать, что на самом деле произошло. Только ли с нашим городом такое, или катастрофа масштабнее… Во мне иногда появлялось чувство, что вот-вот скоро к нам все приедут, будут помогать и спасать нас, наш разрушенный город на некоторое время станет информационной столицей мира… Похоже, такой столицей стал весь мир…

Поначалу нам был дан шанс каким-то образом освоиться в нашем новом, разрушенном мире. В магазинах было достаточно еды, воды, в аптеках – лекарств. Нам было чем жечь

костры и даже газовые печи, чтобы приготовить себе еду. Мы даже разъезжали по остаткам дорог на внедорожнике, так как могли сливать бензин из бесхозных авто. Мы часто собирались посреди дня с другими уцелевшими, обедали вместе и делились своими размышлениями. Версии насчет случившегося были самые разные: от вторжения инопланетян до правительственного эксперимента по способности человека к выживанию.

С самого рассвета мы катались по городу в угасающей надежде кого-то спасти или увидеть военных. К вечеру мы ехали проведать Кертиса, о чем-то с ним пробовали беседовать, но в итоге просто напивались. Напивались до жути. До той стадии, когда от алкоголя страх не убавляется, а, наоборот, усиливается по нарастающей. Я помню, как мы допились до такой степени, что я обнаружил Кэт рыдающей и кричащей от страха. Я слегка протрезвел в этот момент, испугавшись, что с ней что-то случилось, спросил, все ли нормально и что происходит. Но ей было все равно, она меня не замечала, она продолжала кричать и рыдать, все сильнее и громче. Мне ничего не оставалось, как обнять ее, крепко-крепко сжать в своих объятьях и зарыдать вместе с ней …И только спустя время, опять же вместе, мы успокоились.

Уцелевших запасов продовольствия, одежды и медикаментов поначалу вполне хватало на немногочисленных выживших. Но этих же самых немногочисленных выживших оказалось так же вполне достаточно, чтобы в считанные ме-

сяцы практически обнулить все то, что нам всем удавалось находить. Вначале среди уцелевших было в порядке вещей поделиться с другим тем, что есть у тебя: если мы или кто-то другой встречали голодного человека, мы тут же его угощали, отпаивали и вели на ночлег, если он его не имел. Потом стало все сложнее…

Начался обмен еды на бензин, бензина на одежду, одежды на спиртное, лекарства и так далее. Когда эта стадия миновала, начались конфликты. Тот, кто сильнее, стал просто отбирать то, что хочет, у слабого. Поначалу эти конфликты гасились окружающими, и какая никакая справедливость имела место. Но потом все только ухудшилось. Люди стали доставать оружие: те, у кого отбирали – чтобы защититься, те, кто отбирал – чтобы нападать, и для этого искал оружие помощнее. В каком-то из конфликтов двое не поделили скарб одного из них. Вернее, один у другого хотел отобрать все, что тот имел. В результате нападавший чуть было удалился минуты на две, вернулся с гранатометом и пустил снаряд в свою жертву, уничтожив и его, и все то, что хотел себе присвоить. Ненависть, жадность, агрессия распространялись с силой волны. Оставаться здесь было опасно. Однажды, засыпая в своем импровизированном домике, мы решили покинуть город. Нужно было куда-то двигаться, искать хоть что-то, нетронутое катастрофой. Мы решили двинуться на юг. В любом случае там легче с едой…

Мы пришли попрощаться с Кертисом. На авто мы уже

не ездили, это было опасно. Из-за бензина можно было попасть в перестрелку. Кертис достал бутылку коньяка, мы выпили, но больше из уважения и признательности, чем как обычно, когда мы приезжали к нему именно для того, чтобы нажраться в полный безрассудный хлам и забыться хоть на пару часов. Кертис предложил остаться у него и жить вместе, но мы заранее отвергли для себя эту идею. Одно дело иногда, пусть и каждый день, общаться с человеком, с которым случилось страшное несчастье, а совсем другое дело жить с ним под одной крышей и постепенно невольно становиться частью этого горя. Когда мы прощались с Кертисом, мне было сложно смотреть ему в глаза. Я и так в глубине души считал, что мы его оставляем один на один с этим всем – и с его горем, и с в одно мгновенье ставшим диким и агрессивным окружающим миром… Но и сам Кертис… В его заплаканных глазах была одеревенелая печаль, безысходность, беспомощность, он будто безмолвно просил остаться, не бросать его, но зная ответ, не говорил вслух… Мне было тяжело. Наверное, так же тяжело, каким тяжелым был взгляд этого еще крепкого, но вмиг по велению судьбы ослабевшего и потерявшего все смыслы своего существования мужчины. Я крепко обнял Кертиса и поцеловал его в щеку. Потом, не глядя ему в глаза, повернулся и пошел к выходу. Кэт, кажется, тоже его обняла и вскоре догнала меня. Попрощавшись, мы двинулись в путь. Путь с надеждой на лучшую участь. Путь с верой в то, что мы найдем нетронутый

неведомой катастрофой хоть какой-то островок нормальной жизни…

Глава II. Мучения только начинались

Если бы мы знали, насколько сложным, мрачным, жутким, нечеловечным будет этот путь, то, вернее всего, мы бы не стали покидать город… Мы, пожалуй, согласились бы прожить остаток жизни в тех междоусобицах и конфликтах, которые оставили там… Хотя, во что в итоге превратилась там жизнь, нам осталось неведомым…

Мы шли навстречу неизвестности. Нам казалось, что худшее мы оставили позади и впереди будет легче. Но, боже мой, святые угодники, как же мы ошибались… Тех скудных запасов продуктов, которые мы собрали с собой, хватило всего на несколько недель даже при строго размеренном их потреблении.

Мы проезжали разрушенные пригороды, поселки, деревни и нигде не находили ничего съедобного или полезного для долгой дороге. Все вокруг было пропитано безжизненностью и страхом. В первом на нашем пути, когда-то населенном, пункте мы остановились, отъехав от города на 210 километров. На въезде в него располагалась заправка. Точнее то, что от нее осталось… Все здания и навесы были разрушены, это было похоже на последствия воздушно-ракетного удара или

мощнейшей взрывной волны, но только без очевидных признаков. Все в минуту рухнуло, то, что возводилось годами, десятилетиями, во что было вложено столько созидательного человеческого труда – все в миг перестало существовать…

Безо всякой надежды на то, что заправка работает, я подошел к еще торчащей из-под обломков навеса бензоколонке, нащупал шланг, взял за рукоять и нажал на пусковой рычаг. Мои ожидания оправдались. Ничего не работало. Это неудивительно – повсюду не было электричества. В городе, чтобы добраться до бензина, нам приходилось вручную открывать подземные емкости и, рискуя в секунду взлететь на воздух, вычерпывать из них топливо ведрами, разливая по канистрам, пластиковым бутылям и всему, во что его можно было налить. В городе нам с Кэт удалось сделать небольшой запас бензина, когда мы почувствовали, что жизнь среди уцелевших людей становится опасной. Понемногу мы собрали литров триста топлива и решили уехать из города. Мы закинули все свои пожитки, бензин, немногочисленное продовольствие и остатки собранных по аптекам лекарств во внедорожник, и отправились навстречу судьбе…

Там, где должны были находиться подземные емкости с топливом, обрушилась часть каменной стены и закрыла доступ к люку. Подойдя ближе, я убедился, что так и есть. В одиночку с такой тяжестью было не справиться. Очень жаль… Внизу могло оказаться несколько сот литров топлива… А в дороге это само по себе необходимо плюс можно об-

менять на еду… Теперь все, что было необходимо для жизни или могло сделать ее удобнее, превратилось в валюту. Я решил заглянуть под развалины магазина на заправке. Внутри могло остаться что-то съедобное. Если бензина у нас оставалось еще достаточно для дороги, то с едой дела обстояли намного хуже. Исходя из того, что нам удалось скопить на дорогу, в день нам теперь полагалось съедать банку консервов на двоих, по 3 кусочка хлебцов и запивать все это пол-литровой бутылкой воды… на двоих. Но это было все-таки лучше, чем вообще ничего. Что такое быть сытым, мы забыли давно. Уже несколько месяцев ни я, ни Кэт не могли избавиться от постоянного чувства голода, постоянной жажды, мы настолько ослабли и истощились, что перестали быть похожими на себя…

Может, не совсем показательно, но раньше, когда все лишь только произошло, и мы по вечерам напивались с Кертисом, мы могли выпить две, три, четыре бутылки виски на троих, пока не начинали отрубаться. В один из последних дней в городе мы снова напились у Кертиса. Мы с Кэт приехали к нему в гости. Под конец мы уже даже перестали здороваться, толком разговаривать, просто приезжали к Кертису, заходили к нему в дом. Он в этот момент всегда молча сидел в кресле и куда-то смотрел. В пустоту… Молча вставал, даже не глядя на нас, подходил к шкафу, доставал бутылку или две, молча ставил на стол, и мы начинали нажираться… Так было и в этот раз. Кертис поставил на стол се-

мисотграммового дядю Джонни, и понеслась душа в рай… В этот вечер, как и во все совместные вечера с Кертисом, мы изрядно накидались. Так, что поутру не могли вспомнить всех деталей вечера. Да их то и было только: налил, выпил, покурил, налил, помолчал, выпил, задремал, проснулся, выпил, задремал, выпил, выпил, отключился… Кэт еще спала. Встав из кресла, в котором накануне и уснул, я обнаружил в бутылке более половины невыпитого виски. Немного глотнув прямо из горла, пытаясь загасить мучившее меня жуткое похмелье, я поинтересовался у Кертиса, сколько же бутылок мы выпили, что сегодня так хреново?

– Сколько мы выпили? – дрожащим голосом переспросил Кертис. – Мы и этой половину втроем не выпили… Посмотри на нас… на что мы похожи…? На мне висит майка, которая три месяца назад была в обтяжку, и из-под нее торчало пузо… У нас нечего жрать, но пока еще есть алкоголь… Вдвоем это нас убивает еще быстрее, – он обнял меня, буквально кинулся ко мне с объятьями, словно моля о поддержке, с потухшими от страха глазами… Обнял меня и тихо, чуть всхлипывая, разрыдался. Он содрогался у меня на плече, все сильнее сжимая меня из последних сил. – Сэм, когда уже мы все умрем, и я увижусь с ними…? С моими парнями, с моей малышкой…? Как такое могло произойти? Когда мы уже все сдохнем…? – его тихие слова вместе с чуть слышным рыданьем подействовали на меня крайне мрачно. Все, на что я решился в этот момент – просто обнять Кертиса. Так

мы стояли несколько минут: он рыдал и просил о смерти, я недвижимо обнимал его и смотрел в пустоту. Я еще больше убедился в том, что из города надо валить…

…С трудом разбирая завалы заправского магазинчика, я ничего не обнаружил. Я поднимал рухнувшие доски, куски отделки, переворачивал какую-то мебель, но ничего… ни одной съедобной крошки… Кэт пошла в туалет, уцелевший неподалеку. Я услышал какой-то шум со стороны трассы… Я резко повернулся…

– Медленно, сука! Руки вверх и медленно повернись! – повернувшись, я увидел двух уродов со стволами в руках. У одного был пистолет, у другого – что-то, похожее на дробовик. У меня и у Кэт тоже было оружие – два пистолета. Свой я теперь достать не успею. Вся надежда на нее. На то, что она не зашумит раньше времени. Не позовет меня издалека, не увидев, что происходит… Несмотря на изможденность и голод, я бы справился с этими уродами голыми руками, но преимущество сейчас на их стороне. – Давай ключи от машины и снимай одежду! Быстро, сука! – тот, что был поменьше, вел себя нервно и говорил очень быстро. Второй был крупнее его и не произносил ни слова. – Ну же, сука! Я два раза повторять не буду!

У меня не оставалось вариантов. Они бы могли застрелить меня сразу и получить все, что им нужно, но почему то не делали этого. Значит, имело смысл потянуть время.

– Хорошо, только не стреляй. Я все отдам, – чуть повысив

голос, произнес я. Я начал медленно стягивать куртку, потом майку с себя. Кинул их под ноги этим уродам. Надо было тянуть время. Я находился на высоте пары метров на развалинах магазина. Благодаря этому я видел заправский сортир, в который пошла Кэт. О нет! Она уже вышла и быстро идет сюда. У нее в руках нет оружия. Она выйдет из-за дома, и до нас останется лишь несколько метров. Она не успеет ничего сообразить, и мы окажемся оба безоружны. Хорошо, если в этот момент эти уроды сами не испугаются и не начнут стрелять. А если начнут? Мой пистолет торчал у меня за поясом. Я сделал вид, что расстегиваю ремень… Надо быстро принимать решение, Кэт уже приближается… Я резко выхватил пистолет, прыгая в сторону… В полете я успел крикнуть: «Кэт, беги назад!». И в этот же момент успел попасть одному из уродов в ногу. Когда-то я учился стрельбе. Это было давно и недолго, но, выходит, не зря. Подстреленный здоровяк упал на землю, завопив от боли, второй бросился к нему, явно испугавшись произошедшего. Я обежал гору развалин, кои некогда были магазином, сзади и спрятался за уцелевшим остатком кирпичной стены. Уроды уже поднялись с земли, точнее один повис на плече у другого, и судорожно осматривались по сторонам, не зная откуда ждать атаки… Они уже не были столь опасны.

Я отбежал из своего укрытия шагов на десять, крикнул «Кэт, не убивай их!» и бегом вернулся к кирпичной стене. Я в тот момент и правда считал, что обидчиков не нужно уби-

вать. Я заметил Кэт выглядывающей из-за стены позади уродов. Она держала их на прицеле. Я тоже прицелился и выстрелил нервному в руку, которой он держал пистолет. Правда, попал я ему в плечо, но результат был налицо: он в воплях от боли упал на землю, выронив оружие. Здоровяк же, лишившись опоры под собой, последовал на землю за ним. Как раз в эти три-пять секунд, которые я, словно пантера, бежал к ним, они никакой угрозы не представляли. Ногой я отшвырнул их стволы подальше, тут уже подбежала Кэт, подняла оружие.

– Держи их на прицеле и отойди чуть подальше, – попросил я жену. Сам же поднял свою одежду и подошел к уродам. – Я не убиваю вас только из-за того, что не стали сразу же стрелять в меня, хотя могли. Поэтому я считаю, что вы еще не совсем конченые ублюдки и имеете право жить. Кэт, оставь им бинт и какие-нибудь лекарства, чтобы не умерли.

– Да пошли они в жопу. К черту этих ублюдков. Они могли нас убить! – в словах Кэт была истина, но повторюсь: тогда я искренне продолжал верить в человеческие ценности. Я не хотел, чтобы эти ребята умирали. Да, они были уродами, наставили на меня пушки и хотели ограбить. Не окажись у меня оружия, неизвестно, как бы все закончилось… Но я не хотел их убивать. Я решил, что сам схожу к машине и принесу лекарства.

– Кэт, держи их на мушке!

Я вернулся с бинтом, пачкой антибиотиков, йодом и бан-

кой консервов.

– Ты что, охренел?! – Кэт имела право на возмущение, но я искренне посчитал, что жизнь людей важнее этих вещей. – У нас у самих ни черта почти не осталось, а ты отдаешь этим конченым уродам последнее!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.